

СЧАСТЛИВОЕ НАЧАЛО

Творчество молодых

В 1947 году впервые прозвучала симфония-поэма Арама Хачатуряна для большого симфонического оркестра, пятнадцати солирующих труб и органа. Партия органа писалась в расчете на выдающегося советского органиста профессора И. А. Браудо и им была тогда исполнена. Недавно, в конце 1963 года, прославленный композитор, отмечающий ныне свое 60-летие, в программу торжественного авторского концерта в Ленинграде вновь включил симфонию-поэму. На этот раз за органами клавиатурами место маститого профессора заняла его дочь и ученица двадцатилетняя Анастасия Тищенко, студентка IV курса Ленинградской консерватории.

А на днях в Большом зале Филармонии Настя Тищенко дала свой первый самостоятельный концерт. Он прошел очень успешно, и можно было бы довольно подробно говорить здесь о том, что органист прекрасно чувствует стиль исполняемой музыки, что у нее очень чистая и точная техника рук и... ног (ведь на органе имеется специальная ножная клавиатура), что она обладает несомненной исполнительской волей и выдержкой. Можно обо всем этом говорить — но не хочется. А хочется о другом, куда более важном: у юной концертантки есть нечто свое, самобытное. Это тем более существенно, что орган, «объективнейший» из инструментов, самой своей природой противится выявлению художественной оригинальности исполнителя, его личных субъективных качеств. Дело вот в чем.

Органные клавиатуры (их несколько) похожи на клавиатуру рояля. Но на рояле, как известно, от характера удара пальца по клавише зависит качество звука (скажем, резкий, мягкий, легкий и т. п.) и его громкость. На органе же, как бы ни нажимать клавишу, каким бы пальцевым приемом не извлекать звук, на его качестве это не отразится: держишь каждую клавишу — входит воздух в трубку или систему труб и звучит ровный, «сплошной» звук, отпускаешь — звук исчезает. Здесь уместнее, пожалуй, сравнение с аккордеоном. Но на аккордеоне можно «раздувать» силу звука благодаря растягиванию меха, на органе же воздух равномерно нагнетается мотором (лишь сравнительно недавно изобретено устройство для постепенного изменения силы звучания, но действует оно в очень ограниченных пределах). Итак, по сравнению с любым другим инструментом орган, обладающий таким обилием звуковых красок, которое можно сравнить лишь с многокрасочностью оркестра, оказывается, вместе с тем, и в «проигрыше»: звук его — холодноватый, «чужой» для исполнителя. А ведь в музыке так важны (вспомните скрипку, человеческий голос!) тонкие оттенки звучания! Вот где трудность для исполнителя выразить на органе

свою художественную индивидуальность. Приходится им прибегать к каким-то тонким «хитростям»: ну, скажем, оттого, что среди ровных звуков некоторые берутся с едва заметным запозданием, они выделяются среди других, и кажется, что они взяты чуть громче — и т. п.

И все же, когда за органом — талантливые музыканты, вы ощущаете их несхожесть. Проявилось нечто «свое» и у Насти Тищенко. Ее игра рождает особое, обаятельное ощущение ясности, чистоты, «светлости».

В исполнении одного из номеров программы, сонаты Генделя для скрипки и органа, приняла участие молодая японская скрипачка, также обучающаяся в Ленинградской консерватории, Масуко Усиода. Ее поэтичное дарование очень гармонизировало с общим возвышенным тоном концерта.

Творческий путь Анастасии Тищенко лишь начинается, и начинается счастливо. И счастье это становится во много раз большим оттого, что делишься им со многими многими людьми, заполнившими зал и завороченными великой радостью общения с настоящим искусством.

М. БЯЛИК

На снимке: Настя Тищенко и композитор А. Хачатурян.
Фото Н. Науменкова